

H. Duchhardt. DER WEG IN DIE KATASTROPHE DES DREIßIGJÄHRIGEN KRIEGES. DIE KRISENDEKADE 1608—1618. München — Berlin — Zürich: Piper, 2017, 254 S.

Х. Духхардт. ПУТЬ К КАТАСТРОФЕ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ. КРИЗИСНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ 1608—1618. Мюнхен — Берлин — Цюрих, 2017, 254 с.

DOI: 10.31857/S013038640000120-0

В преддверии 400-летия начала Тридцатилетней войны в зарубежной литературе стали появляться новые работы, в которых проводится переоценка сложившихся представлений и привычных подходов к этому событию. Известный немецкий историк, в 1994—2011 гг. директор Института европейской истории в Майнце профессор Хайнц Духхардт в своей новой книге акцентирует внимание на многочисленных кризисных явлениях, сделавших Тридцатилетнюю войну неизбежной. Делает это он вдумчиво, осторожно, убедительно. Духхардт подчеркивает, что в спорах о том, была ли Тридцатилетняя война больше «немецкой» или «европейской», религиозной или же государственно-политической, надо видеть широкую европейскую панораму событий и явлений. В сущности, европейская система государств с середины XVI в. не изменилась, но она стала более дифференцированной, международные отношения приобрели дополнительный динамизм. Вместе с тем Священная Римская империя, будучи главным игроком в европейской политике, была не в состоянии решить свои внутренние проблемы, поскольку ее конфессиональные противоречия стали государственными противоречиями, мешавшими проводить активную внешнюю политику (с. 21, 25, 27—29).

Безусловно, немецкий историк прав, утверждая, что конфессиональная проблема в масштабе всей Европы была движущей силой кризисной декады (с. 36, 41). Эта проблема обострилась не только из-за того, что кальвинистские княжества не упоминались в статьях Аугсбургского религиозного мира 1555 г., но и потому, что в 1617 г. протестантские проповедники и теологи отмечали 100-летний юбилей Реформации резкими выпадами против католической церкви, в которых преобладал мотив Антихриста. Конфессиональный фундаментализм проявлялся с обеих сторон и был направлен не на примирение конфессий, а на конфронтацию (с. 51—53). К конфессиональным противоречиям добавлялись оппозиция сословий по отношению к князьям, особенно в Чехии (Богемии) и Венгрии, а также конку-

ренция братьев, т.е. императоров Рудольфа II и Маттиаса, в Доме Габсбургов. Попытки Габсбургов вернуться к конфессиональному единообразию наталкивались на сопротивление сословной верхушки, что также обостряло ситуацию и могло вести к катастрофе.

Интересен раздел книги под названием «Драматизация личности: акторы и статисты», в котором даны характеристики императора Священной Римской империи Рудольфа II, полностью отошедшего в конце жизни от политики, имперских князей, прежде всего герцога Максимилиана I Баварского и его противника курфюрста Пфальцского Фридриха V, пытавшихся усилить свои позиции военным путем, римского папы Павла V, который не стал подливать масла в огонь и разжигать конфессиональные страсти. Любопытно, что одним из факторов, способствовавших обострению отношений между европейскими странами, Духхардт называет смену властителей на рубеже первого и второго десятилетий XVII в. — во Франции в результате убийства Генриха IV в 1610 г. восшествие на престол малолетнего Людовика XIII, в Швеции в 1611 г. — несовершеннолетнего Густава II Адольфа, в Трансильвании приход к власти Бетлена Габора, в Московском государстве после Смутного времени воцарение династии Романовых, наконец, в Священной Римской империи после смерти императора Рудольфа II усиление контрреформационных настроений с одной стороны и агрессивность кальвинистов во главе с Фридрихом V Пфальцским — с другой. Региональные войны и оппозиционные выступления в Чехии и Венгрии также обостряли ситуацию в Священной Римской империи (с. 98—103). Напряженные отношения между двумя конфессиональными партиями в последней четверти XVI в. происходили во многом из-за неясности формулировок Религиозного мира 1555 г. Правда, не уменьшились противоречия между лютеранами и кальвинистами, что давало надежду Габсбургам и католикам Империи на раскол партии реформаторов. Результатом этого был эпизод с захватом в Швабии протестантского города Донаувёрта агрес-

сивно настроенным католиком герцогом Баварским Максимилианом I (с. 113—114, 119—120).

Характеризуя положение во Франции после Религиозных войн, немецкий историк подчеркивает, что эта страна вполне могла стать активным участником большой общеевропейской войны. Значительный конфликтный потенциал имел место в Италии, где не могли спокойно относиться к трениям между Францией и Испанией. Хотя эскалация конфликта между Испанией и Республикой Соединенных Провинций Нидерландов не грозила втягиванием в него соседних государств, теологические дискуссии в самих Нидерландах имели европейский резонанс (с. 163, 172, 180). Относительно позиции Англии автором сделано верное замечание, что, хотя Англия долгое время считалась ведущим протестантским государством, Яков I Стюарт в силу своих екуменических настроений выводил ее с континентальной военной арены. Но позиция и интересы стран Балтийского региона неизбежно делали их участниками грядущего европейского конфликта (с. 181—182, 188). Х. Духхардт также отмечает, что Московское государство в десятилетие накануне Тридцатилетней войны находилось в состоянии гражданской войны, и распространение его на другие европейские регионы отнюдь не исключалось. Точно также не были исчерпаны причины для конфликтов в отношениях Габсбургов с Османской империей и Трансильванией (с. 195).

Интересны замечания автора о поисках виновников Тридцатилетней войне. В то время была широко распространена идея «наказания Божьего», выражавшегося не только в нашествиях врагов, но и в эпидемиях, засухах, голоде. Тема всадников Апокалипсиса постоянно использовалась в памфлетах публицистов и проповедях священников (с. 222). В заключительной главе книги Духхардт рассуждает на тему неизбежности войны. Он приходит к выводу, что в предшествовавшее ей десятилетие в Европе царил хаос, а опасности грозили со всех сторон. Если бы политиками были другие люди, войну, возможно, удалось бы предотвратить. Для современников же она не стала неожиданной, ее начало уже широко предрекали (с. 234).

В целом автору удалось в сжатой форме показать путь Европы к Тридцатилетней войне, ставшей европейской катастрофой, из которой необходимо было извлечь уроки. Конечно, Духхардт мог акцентировать внимание на этом моменте, но, возможно, он предоставляет такую возможность читателям. А было бы интересно узнать об этом от него самого.

Ю. Е. Ивонин,

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей истории
Смоленского государственного университета.